

Карел Чапек

Большая полицейская сказка

Вы, конечно, ребята, и сами знаете, что в каждом полицейском участке всю ночь дежурят несколько полицейских на тот случай, если что-нибудь стрясётся: скажем, к кому-нибудь разбойники полезут или просто злые люди захотят кого обидеть. Вот затем-то и не спят полицейские всю ночь напролёт; одни сидят в дежурке, а другие – их называют патрулями – ходят дозором по улицам и присматривают за разбойниками, воришками, привидениями и прочей нечистью.

А когда у этих патрульных ноги заболят, они возвращаются в дежурку, а на смену им идут другие. Так продолжается до самого утра, а чтобы не скучать в дежурке, курят они там трубки и рассказывают друг другу, где что интересное видели.

Вот однажды сидели полицейские, покуривали и беседовали, и тут вернулся один патрульный, как, бишь, его... ага, пан Халабурд, и говорит:

– Здорово, ребята! Докладываю, что у меня уже ноги заболели!

– Сядь посиди, – приказал ему старший дежурный, – вместо тебя пойдёт в обход пан Голас. А ты нам Расскажи, что нового на твоём участке и какие были происшествия.

– Сегодня ночью ничего особенного не случилось, – говорит Халабурд. – На Штепаньской улице подрались две кошки, так я их именем закона разогнал и сделал предупреждение. Потом на Житной улице вызвал пожарных с лестницей, чтобы водворили воробышку в гнездо. Родителям его тоже сделано предупреждение, что надо лучше смотреть за детьми. А потом, когда шёл я вниз по Ячной улице, кто-то дёрнул меня за штаны. Гляжу, а это домовый. Знаете, тот усатый, с Карловой площади.

– Который? – спросил старший дежурный. – Там их несколько живёт: Мыльноусик, Курьяножка, Квачек, по прозвищу Трубка, Карапуз, Пумпрдлик, Шмидркал, Падрголец и Тинтера – он недавно туда переселился.

– Домовой, дёрнувший меня за брюки, – отвечал Халабурд, – был Падрголец, проживающий на той, знаете, старой вербе.

– А-а! – сказал старший дежурный. – Это, ребята, очень, очень порядочный домовый. Когда на Карловой площади что-нибудь потеряют – ну, там, колечко, мячик, абрикос или хоть леденец, – он всегда принесёт и сдаст постовому, как полагается приличному человеку. Ну, ну, рассказывай.

– И вот этот Падрголец, – продолжал Халабурд, – мне говорит: "Пан дежурный, я не могу домой попасть! В мою квартиру на вербе забралась белка и меня не выпускает!"

Я вытащил саблю, пошёл с Падргольцем к его вербе и приказал белке именем закона впредь не допускать таких действий, проступков и преступлений, как нарушение общественного порядка, насилие и самоуправство, и предложил ей немедленно покинуть помещение.

Белка на это ответила: "После дождичка!"

Тогда я снял пояс и плащ и залез на вербу. Когда я добрался до дупла, в котором проживает пан Падрголец, упомянутая белка начала плакать: "Пан начальник, пожалуйста, не забирайте меня! Я тут у пана Падргольца только от дождя спряталась, у меня в квартире потолок протекает..."

"Никаких разговоров, сударыня, – говорю я ей, – собирайте свои орешки или что там у вас есть и немедленно очистите квартиру пана Падргольца! И если ещё хоть раз будете замечены в том, что самоуправно, насилием или хитростью, без разрешения и согласия вторглись в чужое жилище, – я вызову подкрепление, мы вас окружим, арестуем и связанную отправим в полицейский комиссариат! Понятно?"

Вот, братцы, и всё, что я нынешней ночью видел.

– А я вот ещё в жизни ни одного домового ни разу не видал, – подал голос дежурный Бамбас. – Я до сих пор-то в Дейвицах служил, а там, в этих новых домах, никаких таких привидений, сказочных существ или, как это говорится, сверхъестественных явлений не наблюдается.

– Тут их полным-полно, – сказал старший дежурный. – А раньше сколько их было, ого-го! Например, у Шитковской плотины испокон веков водяной проживает. С ним, правда, полиция никогда дела иметь не приходилось, вполне приличный был водяной. Вот Либенский водяной – тот старый греховодник, а Шитковский был очень порядочный парень! Управление пражского водопровода даже назначило его главным городским водяным и платило жалованье. Этот Шитковский водяной наблюдал за Влтавой, чтобы не высыхала. И наводнений он не устраивал. Наводнения делали водяные с верхней Влтавы – ну, там Выдерский, Крумловский и Звиковский. Но Либенский водяной из зависти подговорил его, чтобы он потребовал за свою работу от магистрата чин и должность советника; а в магистрате ему отказали – говорят, высшего образования у него нет, тут Шитковский водяной обиделся и переехал в Дрезден. Теперь там воду гонит. Ни для кого ведь не секрет, что в Германии все водяные на Эльбе – сплошь чехи! А у Шитковской плотины с тех пор водяного не осталось. Потому-то в Праге иногда не хватает воды...

А на Карловой площади танцевали по ночам Светилки. Но поскольку это было неприлично и люди их боялись, управление городского хозяйства заключило с ними договор, что они переселятся в парк и там служащий газовой компании будет их вечером зажигать, а утром гасить. Но когда началась война, этого служащего призвали в армию, и так дело со Светилками забылось.

А уж насчёт русалок, так их в одной Стромовке было семнадцать хвостов; но из них три ушли в балет, одна подалась в кино, а одна вышла за какого-то железнодорожника из Стршовиц.

Всего зарегистрированных в полиции домовых и гномов, прикреплённых к общественным зданиям, монастырям, паркам и библиотекам, в Праге насчитывается триста сорок шесть штук, не считая домовых в частных домах, о которых точных сведений не имеется. Привидений в Праге была уйма, но теперь с ними покончено, поскольку научно доказано, что никаких привидений не бывает. Только на Малой Стране кое-кто до сих пор тайно и незаконно держит на чердаках одно-два привидения, как мне тут рассказывал коллега из малостранского полицейского комиссариата. Вот, насколько мне известно, и всё.

– Не считая того дракона, или, как его, змея, – подал голос стражник Кубат, – которого убили на Жижкове.

– Жижков? – произнёс старший. – Это не мой район. Отроду там не дежурил. Потому, наверно, и не слышал о драконе.

– А я в этом деле лично участвовал, – сказал стражник Кубат. – Правда, вообще расследовал дело и вёл операцию коллега Вокоун.

Давненько уж это всё было. Так вот, однажды вечером говорит этому Вокоуну одна старая тётка – была это пани Часткова, она папиросами торговала, но, по сути дела, была она, должен я вам сказать, ведьмой, колдуньей, или, вернее, вещуньей. Словом, говорит эта пани Часткова, что она нагадала на картах, будто дракон Гульдаборд держит в полоне прекрасную деву, которую он похитил у родителей, а дева эта, мол, мурцианская принцесса.

"Мурцианская или не мурцианская, – сказал на это коллега Вокоун, – а дракон должен девчонку вернуть родителям, иначе с ним будет поступлено согласно уставу, инструкциям и наставлениям, а также служебным предписаниям!"

Сказал так, опоясал себя казённой саблей – и марш искать дракона. Всякий; понятно, так сделал бы на его месте.

– Ещё бы! – сказал стражник Бамбас. – Но у меня ни в Дейвицах, ни в Стршовицах никаких драконов не наблюдалось. Ну, дальше.

– И вот, значит, коллега Вокоун, – продолжал Кубат, – захватив холодное оружие, отправился, значит, прямо ночью к Еврейским печам. И, провалиться мне, вдруг слышит: в одной яме или там пещере кто-то жутким басом разговаривает. Посветил он служебным фонариком и видит: сидит в пещере страшный дракон с семью головами; и все эти головы сразу разговаривают, спрашивают, отвечают, а некоторые даже ругаются! Сами знаете, у этих драконов нет никаких манер, а уж если есть, то только самые скверные. А в углу пещеры, и правда, рыдает прекрасная дева, затыкая себе уши, чтобы не слышать, как драконьи головы говорят все сразу басом.

"Эй вы, гражданин, – обратился коллега Вокоун к дракону – вежливо, но с официальной строгостью, – предъявите документы! Есть у вас какие-нибудь бумаги: служебное удостоверение, паспорт, удостоверение личности, справка с места работы или иные документы?"

Тут одна драконья голова захохотала, вторая стала богохульствовать, третья сквернословить, четвёртая бранилась, пятая дразнилась, шестая гримасничала, а седьмая показала Вокоуну язык.

Но коллега Вокоун не растерялся и громко закричал: "Именем закона, собирайтесь и идёте немедленно со мной в полицию! И вы; девушка, тоже!"

"Ишь чего захотел! – закричала одна из драконьих голов. – Да знаешь ли ты, мошка человечья, кто я такой? Я – дракон Гульдаборд!"

"Гульдаборд с Гранадских гор!" – прорычала вторая голова.

"Именуемый также Великим мультяценским змеем!" – добавила третья.

"И я тебя проглочу! – рывкнула четвёртая. – Как малину!"

"Разорву тебя в клочки, разотру в порошок, разобью вдребезги и вдобавок дух из тебя вышибу!" – загремела пятая.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"И голову тебе сверну!" – проворчала шестая. "Мокрого места от тебя не останется!" – добавила седьмая страшным голосом. Как, по–вашему, ребята, что сделал тут коллега Вокоун? Думаете, испугался? Не тут–то было! Когда он увидел, что добром ничего не выходит, взял он свою полицейскую дубинку и изо всей силы стукнул по всем драконьим башкам, а сила у него немалая.

"Ах, батюшки! – сказала первая голова. – А ведь неплохо!"

"У меня как раз темя чесалось", – добавила вторая.

"А меня мошка в затылок кусала", – фыркнула третья.

"Миленький, – сказала четвёртая, – пощекочи меня ещё своей палочкой!"

"Только посильней, – посоветовала пятая, – а то я не чувствую!"

"И левее, – потребовала шестая, – у меня там страшно чешется!"

"Для меня твой прутик слишком тонкий, – заявила седьмая. – У тебя там ничего покрепче нет?"

Тут Вокоун вытащил саблю и семь раз рубанул по драконьим головам – чешуя на них так и забренчала.

"Так уже немного получше", – сказала первая драконья голова.

"По крайней мере, одной блохе ухо отрубил, – обрадовалась вторая, – у меня ведь блохи стальные!"

"А у меня вытащил тот волосок, который меня так щекотал", – говорит третья.

"А мне прыщик скovyрнул", – похвалилась четвёртая.

"Этим гребешком можешь меня каждый день причёсывать!" – буркнула пятая.

"А я этой пушинки и не заметила", – сообщила шестая.

"Золотко моё, – сказала седьмая голова, – погладь меня ещё разочек!"

Тут Вокоун вытащил свой казённый револьвер и пустил по пуле в каждую драконью голову.

"Проклятье! – завопил Змей. – Не сыпь в меня песком, он мне в волосы набьётся! Тыфу ты, мне пылинка в глаз влетела! И что–то в зубах завязло! Ну, пора и честь знать!" – заревел дракон, откашлялся всеми семью глотками, и из всех семи его пастей в Вокоуна ударило пламя. Коллега Вокоун не испугался; он достал служебную инструкцию и быстренько прочитал, что полагается делать полицейскому, когда против него выступают превосходящие силы противника; там было сказано, что в таких случаях следует вызвать подкрепление. Потом он посмотрел в инструкции, что надо делать в случае обнаружения огня; там говорилось, что следует вызвать по телефону пожарных. Прочитав, он стал действовать по инструкции – вызвал по телефону подкрепление из полиции и пожарную команду. На подмогу прибежало нас как раз шестеро: коллеги Рабас, Матас, Голас, Кудлас, Фирбас и я. Коллега Вокоун нам сказал: "Ребята, нам надо освободить девчонку из–под власти этого дракона. Дракон этот, увы, бронированный, так что сабля его не берёт, но я установил, что на шее у него есть местечко помягче, чтобы он мог наклонять голову. Итак, когда я скажу "три", вы все разом ударите дракона саблями по шее. Но сперва пожарные должны потушить это пламя, чтобы оно нам не опалило мундиры!"

Не успел он это сказать, как послышалось: "Тра–ра–ра!" – и на место происшествия прибыло семь пожарных машин с семью пожарными.

"Пожарные, внимание! – крикнул молодецким голосом Вокоун. – Когда я скажу "три", каждый из вас пустит струю из шланга прямо в пасть дракона; старайтесь попасть в глотку– оттуда–то и бьёт пламя. Итак, внимание: раз, два, три!"

И как только он сказал: "Три!" – пожарные пустили семь струй воды прямёхонько в семь драконьих пастей, из которых так и било пламя, как из автогенной горелки. Ш–ш–ш!.. Ну и зашипело же! Дракон давился и захлёбывался, кашлял и чихал, шипел и хрипел, храпел и ругался, отплёвывался и фыркал, кричал "мама" и молотил вокруг себя хвостом, но пожарные не сдавались и лили и лили воду, пока из семи драконьих пастей вместо огня не повалил пар, как из паровоза, так что ничего нельзя было и в двух шагах разглядеть. Потом пар рассеялся, пожарные остановили воду, сирена заревела, и они помчались домой, а дракон, весь обмякший и вялый, только фыркал, отплёвывался, вытирал глаза и ворчал: "Погодите, ребята, я вам этого не спущу!"

Но тут коллега Вокоун как крикнет: "Внимание, братцы: раз, два, три!" И только он сказал "три", как мы все дружно полоснули саблями по семи драконьим шеям и семь голов полетели на землю, а из семи обрубленных шей хлынула вода как из колонки – столько её налилось в этого дракона!

"А теперь пошли к этой мурцианской принцессе, – сказал Вокоун. – Только смотрите осторожнее, мундиры не забрызгайте!"

"Благодарю тебя, доблестный рыцарь, – сказала девушка, – за то, что ты освободил меня от власти этого Змея. Я играла с подружками в мурцианском парке в волейбол, в салки и в прятки, когда налетел этот толстый старый Змей и понёс меня без остановки прямо сюда!"

"А как вы, барышня, летели?" – осведомился Вокоун.

"Через Алжир и Мальту, Белград и Вену, Зноймо, Чеслав, Забеглице и Страшнице прямо сюда, за тридцать два часа семнадцать минут и пять секунд франко–нетто!" – сказала мурцианская принцесса.

"Выходит, этот дракон побил рекорд полёта на дальность с пассажиром? – удивился коллега Вокоун. – Я вас, барышня, поздравляю! А теперь надо бы телеграфировать вашему батюшке, чтобы он за вами кого–нибудь прислал".

Не успел он договорить, как подлетел автомобиль. Из него выскочил король мурцианский с короной на голове, весь в горностае и бархате. От радости он запрыгал на одной ножке и закричал: "Деточка дорогая, наконец–то я тебя нашёл!" Минутку, ваша милость, – прервал его Вокоун. Вы на своей машине превысили установленную скорость езды. Понятно? Заплатите семь крон штрафа!"

Король мурцианский начал шарить по всем карманам, бормоча: "Ну и осёл же я! Ведь взял с собой семьсот дублонов, пиастров и дукатов, тысячу песет, три тысячи шестьсот франков, триста долларов, восемьсот двадцать марок, тысячу двести шестнадцать чешских крон, девяносто пять геллеров, а теперь в кармане у меня ни гроша, ни копейки, ни полушки! Видно, всё истратил по дороге на бензин и на штрафы за езду с недозволенной скоростью. Благородные рыцари, эти семь крон я пришлю со своим визирем!"

Затем мурцианский король откашлялся, положил себе руку на грудь и обратился к Вокоуну: "Как мундир твой, так и твой величавый вид говорят мне, что ты либо славный воин, либо принц, либо, наконец, государственный муж. За то, что ты освободил мою дочь и заколол страшного мультяценского Змея, я должен бы предложить тебе её руку, но у тебя на левой руке я вижу обручальное кольцо, из чего заключаю, что ты женат. Детишки есть?"

"Есть, – отвечал Вокоун. – Есть трёхлетний сынишка и дочка, ещё грудная".

"Поздравляю, – сказал мурцианский король. – А у меня только вот эта девчонка. Погоди–ка! Придумал: тогда я тебе отдам половину своего мурцианского королевства! Это будет примерно семьдесят тысяч чetyреста пятьдесят девять квадратных километров площади, семь тысяч сто пять километров железных дорог, плюс двенадцать тысяч километров шоссейных дорог и двадцать два миллиона семьсот пятьдесят тысяч девятьсот одиннадцать жителей обоего пола. Ну как – по рукам?"

"Пан король, – отвечал Вокоун, – тут есть закавыка. Я и мои товарищи убили дракона, исполняя служебные обязанности, поскольку он не повиновался властям и отказался идти со мною в полицию, оказав сопротивление. А при исполнении служебных обязанностей никто из нас не имеет права принимать никаких наград или подарков, ни в коем случае! Это запрещено!"

"А–а! – сказал мурцианский король. – Но тогда я бы мог эту половину мурцианского королевства со всем хозяйством преподнести в дар всей пражской полиции, в знак моей королевской благодарности".

"Это бы ещё куда ни шло, – заявил Вокоун, – но и тут есть некоторое затруднение. У нас под наблюдением вся Прага, вплоть до городской черты. Представляете, сколько у нас хлопот и беготни? А если нам ещё придётся за половиной мурцианского царства присматривать, мы до того избегаемся, что ног под собой чують не будем. Пан король, мы вас очень, очень благодарим, но с нас и Праги хватает!"

"Ну, тогда, – сказал мурцианский король, – дам я вам, братцы, пачку табаку, которую я захватил с собой в дорогу. Это настоящий мурцианский табак, и хватит его как раз на семь трубок, если только не будете их слишком набивать. Ну, дочурка, давай в машину и поехали!"

А когда он укатил, мы, то есть коллеги Рабас, Гол ас, Матас, Кудлас, Фирбас, Вокоун и я, пошли в дежурку и набили себе трубки, этим мурцианским табаком. Ребята, доложу я вам, такого табаку я сроду ещё не курил! Был он не очень крепкий, зато пахнул мёдом, чаем, ванилью, корицей, гвоздикой, фимиамом и бананами, но жаль, у нас трубки очень прокоптели, так что мы этого аромата и не почувствовали...

Дракона же хотели отдать в музей, но, когда за ним приехали, он весь превратился в студень – верно, потому, что так намок и набрался воды...

Вот и всё, что я знаю.

Когда Кубат досказал сказку о драконе в Жижкове, все стражники некоторое время молча покуривали: видно, думали про мурцианский табак. Потом заговорил стражник Ходера:

– Раз тут коллега Кубат рассказал вам о жижковском драконе, так я уж вам расскажу про дракона с Войтешской улицы. Шёл я как–то обходом по Войтешской улице и вдруг, представляете себе, вижу на углу, возле церкви, громаднейшее яйцо. Такое здоровенное, что и в каску бы мою не влезло, и тяжёлое–претяжёлое, словно из мрамора.

"Вот так штука, – говорю себе, – это не иначе как страусовое яйцо или что–нибудь в этом роде! Отнесу–ка я его в управление, в отдел находок – хозяин, наверно, заявит о пропаже".

Тогда в этом отделе работал коллега Поур; у него как раз от простуды ломило поясницу, и потому он так натопил печку, что в комнатах

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

было жарко, как в трубе, как в духовке или как в сушилке!

– Привет, Поур, – говорю, – жарко у тебя тут, как у чёртовой бабушки на печке! Докладываю, что нашёл на Войтешской улице какое-то яичко.

– Так сунь его куда-нибудь, – говорит Поур, – и садись, я тебе расскажу, чего я натерпелся от этой поясницы!

Ну, поговорили мы с ним о том о сём – уже и смеркаться стало, и вдруг слышим в углу какой-то хруст и треск. Зажгли мы свет, смотрим – а из яйца вылезает дракон. Не иначе, как жара подействовала! Ростом он был не больше, сказать, фокстерьера, но это был змей, мы это сразу поняли, потому что у него было семь голов. Тут бы никто не ошибся.

– Вот так номер, – сказал Поур, – что же нам с ним делать? На живодёрню, что ли, позвонить, чтобы его забрали?

– Слышь-ка, Поур, – говорю ему, – дракон – животное очень редкое. Я думаю, надо в газету объявление дать. Хозяин отыщется.

– Ну ладно, – сказал Поур. – А только чем мы его пока будем кормить? Попробуем крошить ему хлебца в молоко. Детишкам молоко всего полезнее! Накрошили мы семь булок в семь литров молока, Поглядели бы вы, как наш драконёнок накинудся на угощение! Головы отталкивали друг друга от миски, рычали друг на друга и лакали так, что всю канцелярию обрызгали. Потом одна за другой облизнулись и легли спать. Тогда Поур запер змея в помещении, где лежали все утеранные и найденные в Праге вещи, и дал в газеты такое объявление: "Щенок дракона, только что вылупившийся из яйца, найден на Войтешской улице. Приметы: семиголовый, в жёлтых и чёрных пятнах.

Владельца просят обратиться в полицию, в отдел находок".

Когда поутру Поур пришёл в свою канцелярию, он только и смог выговорить:

– Елки-палки, батюшки светы, гром и молния, чтоб тебе провалиться, ни дна ни крыши, будь ты проклят, чтобы не сказать большего!

Ведь этот самый змей за ночь сожрал все вещи, которые в Праге потерялись и нашлись: кольца и часы, кошельки, бумажники и записные книжки, мячи, карандаши, пеналы, ручки, учебники и шарики для игры, пуговицы, кисточки и перчатки и вдобавок все казённые папки, акты, протоколы и подшивки – словом, всё, что было в канцелярии Поура, в том числе и его трубку, лопатку для угля и линейку, которой Поур линовал бумагу. Столько всего эта тварь съела, что стала вдвое больше ростом, а некоторым головам стало от этого обжорства даже плохо.

– Так дело не пойдёт, – сказал Поур, – я такую скотину здесь держать не могу!

И он позвонил в Общество покровительства животным, чтобы вышеупомянутое Общество великодушно предоставило у себя место

драконьему детёнышу, как призывает оно бездомных собак и кошек. Пожалуйста, – отвечало Общество и взяло драконеныша в свой

приют. – Только надо бы знать, – продолжало оно, – чем, собственно, эти драконы питаются. В учебниках биологии об этом ни звука!

Решили проверить это на опыте и стали кормить драконёнка молоком, сосисками, яйцами, морковью, кашей и шоколадом, гусиной кровью и гусеницами, сеном и горохом, баландой, зерном и колбасой по особому заказу, рисом и пшеном, сахаром и картошкой да ещё и кренделями. Дракон уписывал все; и, кроме того, он слопал у них все книги, газеты, картины дверные задвижки и вообще всё, что у них там было; а рос он так, что скоро стал больше сенбернара.

И тут пришла на имя Общества телеграмма из далёкого Бухареста, в которой было волшебными письменами написано:

Драконий детёныш - заколдованный человек. Подробности лично. Приеду ближайшие триста лет.

Волшебник Боско.

Тут Общество покровительства животным почесало в затылке и сказала:

– Если этот дракон – заколдованный человек, то это не по нашей части и мы его держать у себя не можем. Надо отправить его в приют или в детский дом!

Но приюты и детские дома ответили:

– Нет уж, если человек превращён в животное, то это уже не человек, а животное, и им занимаемся не мы, а Общество покровительства животным!

И договориться они никак не могли; в результате ни Общество, ни детские дома не хотели держать у себя дракона, а бедный дракон так расстроился, что и есть перестал; особенно грустили его третья, пятая и седьмая головы.

А был в том Обществе один маленький, худенький человек, скромный и незаметный, как мышка, звали его как-то на Н: Новачек, или Нерад, или Ногейл... да нет, звали его Трутина! И когда этот Трутина увидел, как драконьи головы одна за другой сохнут от горя, он сказал:

– Уважаемое Общество! Человек это или зверь, я готов взять этого дракона к себе домой и как следует заботиться о нём!

Тут все сказали:

– Ну и прекрасно!

И Трутина взял дракона к себе домой. Надо признаться, заботился он о драконе, как и обещал, добросовестно, кормил его, чесал и гладил: Трутина очень любил животных. По вечерам, возвращаясь с работы, он выводил дракона на прогулку, чтобы тот немного размялся, и дракон бегал за ним, как собачонка, и вилял хвостом.

Отзывался он на кличку Амина.

Однажды вечером заметил их живодёр и говорит:

– Пан Трутина, что это у вас за зверь? Если это дикий зверь, хищник или ещё что, то его водить по улицам нельзя; а если это собака, то вы обязаны купить жетон и ошейник!

– Это собака редкостной породы, – отвечал Трутина, – так называемый драконий пинчер, или семиглавый змеепёс. Правда, Амина?.. Не сомневайтесь, пан живодёр, я куплю ей номер и ошейник!

И Трутина купил Амине собачий номер, хотя пришлось ему, бедняжке, отдать за него последние деньги.

Но вскоре снова ему встретился живодёр и сказал:

– Это не дело, господин Трутина! Раз у вашей собачки семь голов, то и жетонов должно быть семь и семь ошейников, потому что, по правилам, на каждой собачьей шее должен висеть номер!

– Пан живодёр, – возразил Трутина, – да ведь у Амины номер на средней шее!

– Это безразлично, – сказал живодёр, – ведь остальные шесть голов бегают без ошейников и номеров, как бродячие собаки! Я этого не потерплю! Придётся забрать вашего пса!

– Погодите ещё три дня, – взмолился Трутина, – я куплю Амине номерки!

И пошёл домой грустный-прегрустный, пртому что денег у него не было ни гроша.

Дома он чуть не заплакал, так было ему горько; сидел он и представлял себе, как живодёр заберёт его Амину, продаст его в цирк или даже убьёт. И, услышав, как он вздыхает, дракон подошёл к нему и положил ему на колени все семь голов и посмотрел ему в глаза своими прекрасными, грустными глазами; такие прекрасные, почти человеческие глаза бывают у всякого зверя, когда он смотрит на человека с доверием и любовью.

– Я тебя никому не отдам, Амина, – сказал Трутина и погладил дракона по всем семи головам.

Потом он взял часы – отцовское наследство, взял свой праздничный костюм и лучшие ботинки, все продал и ещё призанял денюжат и на все эти деньги купил шесть собачьих номеров и ошейников и повесил своему дракону на шею. Когда он снова вывел Амину на прогулку, все жетоны звенели и бренчали, словно ехали сани с бубенцами.

Но в тот же вечер пришёл к Трутине хозяин того дома, где он жил, и сказал:

– Пан Трутина, мне ваша собака что-то не нравится! Я, правда, в собаках не разбираюсь, но люди говорят, что это дракон, а драконов я в своем доме не потерплю!

– Пан хозяин, – сказал Трутина, – ведь Амина никого не трогает!

– Это меня не касается! – сказал домовладелец. – В приличных домах драконов не держат, и точка! Если вы эту собаку не выкинете, то с первого числа потрудитесь освободить квартиру! Я вас предупредил, а за сим честь имею кланяться! И он захлопнул за собой дверь.

– Видишь, Амина, – заплакал Трутина, – ещё и из дому нас выгоняют! Но я тебя всё равно не отдам!

Дракон тихонько подошёл к нему, и глаза его так чудесно сияли, что Трутина совсем растрогался.

– Ну, ну, старина, – сказал он, – знаешь ведь, что я тебя люблю!

На другой день, глубоко озабоченный, пошёл он на работу (он служил в каком-то банке писцом). И вдруг его вызвал к себе начальник.

– Пан Трутина, – сказал начальник, – меня не интересуют ваши личные дела, но до меня дошли странные слухи, будто вы держите у себя дракона! Подумать только! Никто из ваших начальников не держит драконов! Это мог бы себе позволить разве какой-нибудь король или султан, а уж никак не простой служащий! Вы, пан Трутина, живёте явно не по средствам! Либо вы избавитесь от этого дракона, либо я с первого числа избавлюсь от вас!

– Пан начальник, – сказал Трутина тихо, но твердо, – я Амину никому не отдам!

И пошёл домой такой грустный, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Сел он дома на стул, ни жив ни мёртв от горя, и из глаз его потекли слезы. И вдруг он почувствовал, что дракон положил ему головы на

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

колени. Сквозь слезы он ничего не видел, а только гладил дракона по головам и шептал:

– Не бойся. Амина, я тебя не оставлю.

И вдруг показалось ему, что голова Амины стала мягкой и кудрявой. Вытер он слезы, поглядел – а перед ним вместо дракона стоит на коленях прекрасная девушка и нежно смотрит ему в глаза.

– Батюшки! – закричал Трутина. – А где же Амина?!

– Я принцесса Амина, – отвечала красавица. – До этой минуты я была драконом – меня превратили в дракона, потому что я была гордая и злая. Но уж теперь я буду кроткой, как овечка!

– Да будет так! – раздался чей-то голос.

В дверях стоял волшебник Боско.

– Вы освободили её, пан Трутина, – сказал он. – Любовь всегда освобождает людей и животных от злых чар.

Вот как здорово получилось, правда, ребята? А отец этой девушки просит вас немедленно приехать в его царство и занять его трон. Так что живей, а то как бы нам на поезд не опоздать!

– Вот и конец истории с драконом с Войтешской улицы, – закончил Ходера. – Если. не верите, спросите у Поура.